

Евгений Евстигнеев:

Ради «штуки» ничего делать нельзя

— Евгений Александрович, читаете ли вы детективы?

— У меня ощущение, что наша реальная жизнь переигрывает все литературные коллизии. Такой детектив, что и не захочешь, а попадешь в круговерть. Читаю же я их, не теряя ощущения реальности. Актеры ведь питаются конкретными живыми впечатлениями, а не книгами. Отсюда и возникает желание сыграть того или иного человека в трудных, странных обстоятельствах. Например, я ученый, профессор, занимаюсь тихо своим делом, меня втягивают в какую-то историю... Кругом война, гестапо, русская разведка. Над целым думает режиссер, что ставить: психологическую драму, боевик, а может быть, комедию? Я же все равно думаю единственно над ним, над этим человеком.

— Не замечали ли вы такой коварной особенности жанра — факт убийства человека или нескольких людей в детективе не воспринимается нами трагически? Из шкафа вываливается хорошо одетый труп, или герой вдруг спотыкается обо что-то, смотрит — удуменная леди. И странное дело: охватывает вовсе не ужас, а даже тайная радость, азарт предчувствия. Безразлично, да?

— Увы, общечеловеческий недостаток: воспринимать абстрактно трагедию, тебя непосредственно не касающуюся. К тому же особенность искусства: следишь за процессом переживания, за логикой борьбы. Важно не как задумана Дедемона, а почему. Двадцатый век особенно показателен — массовые убийства не укладываются в сознании и становятся фактом

статистики. Человек адаптируется к страшной информации, каждый день на него идущей. Он не может пережить лично все беды и ужасы. Он их не впускает в себя. В Грузии убито столько-то, в Карабахе — столько-то. Мы можем облечь эти страшные сообщения в любые слова, одеть в любые эмоции, но случившееся буквально рядом с тобой окажется все же умоизмерительным.

Причем стали мы такими закономерно. Нас дурно развивали, заставляя соперничать различным национально-освободительным революциям за океанами, требуя сочувствия безработным и обездоленным где-то в Америке или на Кубе. При этом реальное человеческое страдание было разлито буквально рядом — в какой-нибудь вымершей русской деревне, старой московской коммуналке, на вокзале, в доме для престарелых.

Политики обеспечивали себя набором прогрессивных лозунгов, и были они насковзлживы. О человеке подумать? Что вы! Есть общественные интересы.

Искусство, как могло, сопротивлялось, уходило в себя. Хотя часто, увы, сдавалось, шло на сговор с режимом. Но все же в лучших своих минутах пыталось сохранить достоинство.

— Социальный заказ кончился, по-моему, и детективного жанра...

— Да, я понимаю, о чем вы говорите. Мне встречались подобные фильмы и сценарии. Кто-то с завода похитил зарплату или доски — по этому поводу сложное расследование, психологический поединок. Тьфу...

Мы ведь никогда не говорили правду, чам не давали. Мы всегда стреляли по воробьям. Наблюдая жизнь, каждый мало-мальски любопытный человек, а уж актер обязательно, видел, что воруют не доски, воруют миллионы. И отнюдь не кладовщик-пьяница, а государственные люди, заседающие в правительстве.

В таких фильмах я не хочу участвовать, не буду. Кто сказал, что детектив не способен быть политической акцией, гражданским поступком? Вспомните, как Италия реагировала на «Спрут» — поднялись миллионы, герой фильма стал национальным героем. Давайте и мы поговорим по-крупному: как уничтожили нацию, как разворачивали пол-России. Все это будет служить интересам общества.

— Как актер, вы особенно чувствительны к тому, что называется «действие». А как

русский актер вы, безусловно, знаете, что нашего героя не существует без раздумий, рефлексии. Не кажется ли вам, что приключенческий жанр не очень органичен нашей культуре?

— Он экзотичен для нас только потому, что родовые его черты слишком видны в нашем исполнении. Антураж, коллизии, острые ситуации, киноприемы — все это часто существует само по себе. Жизненной серьезности маловато. Мы как бы стесняемся наполнять произведение настоящим, не вымышленным, — не заказным! — содержанием. Прием западной продукции мы усваиваем быстро. Хотя и на своем, доступном, уровне у нас горят машины, сходят поезда с рельсов, драки бешутся. Вместе с тем мы все время отстаем. Каким бы острым по средствам ни был фильм, он обязан быть еще человечески серьезным, полным, если хотите, граждански заряженным. Ибо во имя чего все? Да из-за человека, больше не из-за чего. Ради штуки ничего нельзя делать.

— Евгений Александрович, есть фаны, которые уже на пятой минуте знают, чем все кончится. Вы всегда угадываете — кто убил?

— Никогда не угадываю. Я, как наивный человек, до самого конца строю предположения, меня легко обмануть. Я, наверное, хороший зритель. Если кто-то наперед все знает — он или очень хороший спец, именно фанатик, или плохой зритель. Если тебе все ясно — закрой книгу, не читай или выключи телевизор.

Беседу вел
А. КОЛЕСНИКОВ.
Фото О. КОРОЛЕВА.